

ЧИСТИЛЬЩИК СНОВ

ЗДЕСЬ

ВЕРА ТЕМНАЯ

Вера Тёмная

ЧИСТИЛЬЩИК СНОВ

«Автор»

2026

Тёмная В.

Чистильщик снов / В. Тёмная — «Автор», 2026

Он — «чистильщик». Его работа — входить в чужие сны и стирать опасные воспоминания. За десять лет он привык к пустоте внутри себя, к тому, что каждое утро просыпается без имени и прошлого. Он — номер 734-Ч, идеальный инструмент корпорации «Мнемос-Корп». Но однажды ему поступает заказ — найти во сне умирающего старика таинственную формулу, способную переписать личность. Проникнув в сон, он сталкивается с тем, что не ожидал: собственной стёртой памятью, женщиной, которую когда-то любил, и правдой, которую он спрятал от себя самого. Формула Рейнфельда — не оружие. Это код любви. И чтобы спасти себя и всех, кто стал жертвой контроля, «чистильщик» должен вспомнить, кем он был на самом деле.

© Тёмная В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Рождение формулы	5
Глава 1. Чистильщик просыпается	7
Глава 2. Первый слой — Вокзал	16
Глава 3. Второй слой — Зеркальный коридор	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

ЧИСТИЛЬЩИК СНОВ

Пролог. Рождение формулы

2036 год, лаборатория Нейродинамики, город Зареченск.

За окном лаборатории шёл снег. Крупные хлопья кружились в оранжевом свете уличных фонарей, падая на серый асфальт и таяли, не успев лечь. Внутри было тепло, пахло озоном и кофе. Арсений сидел за столом, заваленным распечатками и чертежами, и смотрел на мерцающий экран, где бесконечные строки кода сменяли друг друга.

— Третий раз, — сказал он, не оборачиваясь. — Опять ошибка.

Лида стояла у стойки с реактивами, поправляя очки. Её светлые волосы были собраны в высокий хвост, и она устало улыбнулась.

— Может, нам не хватает не данных, а вдохновения? — она подошла к нему и положила руку на плечо. — Ты уже четырнадцать часов не отходил от монитора.

— Ещё немного, — ответил он, но голос его дрогнул. — Мы так близко. Я чувствую.

Она присела на край стола и взяла его ладонь в свою. Её пальцы были тёплыми.

— Арсений, что мы создаём? — спросила она тихо. — Мы переписываем личность. Мы можем изменить человека. Это... это огромная ответственность.

Он повернулся к ней, и в его глазах горел тот огонь, который она так любила.

— Мы даём людям шанс, Лида. Шанс переписать свою боль. Представь: человек, который потерял ребёнка, сможет не забыть, а по-новому прожить это. Освободиться. Мы не стираем — мы исцеляем.

— Но «Мнемос-Корп» не хочет исцелять, — возразила она. — Они хотят контролировать. Ты знаешь, они уже предлагали нам контракт.

— Я не продам формулу, — отрезал он. — Мы создадим её, а потом решим, как ей распорядиться. Мы — хозяева.

Она покачала головой, но в глазах её была гордость.

— Ты всегда был таким. Упрямым, как старый дуб. Но я люблю тебя за это.

Он улыбнулся и притянул её к себе.

— Завтра мы добьёмся успеха. Я обещаю.

Они не знали, что завтрашний день станет последним днём их свободной жизни. Что корпорация уже следит за ними. Что через месяц Арсений будет стоять перед зеркалом с шприцем в руке, стирая себя, чтобы спасти её. Что десять лет спустя он проснётся в капсуле, ничего не помня.

Но сейчас, в этой маленькой лаборатории, среди снега и кода, они были вместе. И это было всё, что имело значение.

Глава 1. Чистильщик просыпается

Гель в ушах затвердел за ночь, превратившись в корку, которая напоминала окаменевший воск — белую, с голубоватым отливом, который появлялся от химических добавок, впрыскиваемых в кровь во время сна. Арсений с усилием отковырнул его ногтем, оставляя под ногтем белую крупитчатую массу, которая пахла лекарствами и старой пластмассой. Крупинки падали на серый бетонный пол, смешиваясь с пылью, которая годами копилась в щелях между плитками.

Он сделал это машинально — как делал каждое утро последние десять лет. Сначала левая рука, потом правая. Пальцы двигались сами, не требуя концентрации, но сегодня он заметил, что они дрожат. Мелко, почти незаметно, но дрожат. Арсений посмотрел на свои руки, и в тусклом свете лампы, которая мерцала над капсулой, он увидел, как вены набухают и пульсируют в такт с искусственным сердцем — механическим насосом, вшитым в грудную клетку.

Насос гудел. Тихо, монотонно, как старый холодильник в пустой квартире. Арсений привык к этому звуку за десять лет, но сегодня он казался громче, навязчивее — он заполнял тишину комнаты, которая обычно была его убежищем. Комната была маленькой, метров десять, с бетонными стенами, которые не были побелены уже бог знает сколько лет. На стенах висели провода — толстые, оплетённые изолентой, которые тянулись от капсулы к старому генератору в углу, и к монитору, который мигал зелёным светом каждые пять секунд.

Арсений поморщился. Вкус во рту был металлическим — тягучим, с горьковатым послевкусием, которое не уходило даже после того, как он сглотнул несколько раз. Этот вкус всегда напоминал ему о том, что он не просыпается человеком, а запускается как механизм, прошедший ночной цикл обслуживания. Он ненавидел его. Но он привык к нему. Привык ко всему: к темноте, к холоду, к пустоте, которая разрасталась в груди с каждым днём, как раковая опухоль.

Он сел на край капсулы и свесил ноги в пустоту. Пол был ледяным, бетонным, и ступни сразу покрылись мурашками, которые побежали по коже, как электрические разряды. Каждая мышца в теле ныла — затекшая, как у человека, который провёл в одной позе несколько суток. Арсений потянулся, и в спине хрустнули позвонки — три щелчка, один за другим, как выстрелы старого пистолета.

Капсула за его спиной зашипела — пневматика старела, и уплотнители давно требовали замены. Поршни двигались с трудом, издавая звук, похожий на кашель курильщика с сорокалетним стажем. Арсений знал, что Вадим, техник, уже третий месяц обещал заменить их, но руки у него никогда не доходили. Или просто не хватало запчастей — старые капсулы сняли с производства, а новые стоили как небольшой дом в престижном районе.

Он провёл рукой по лицу. Кожа была сухой, стянутой, как бумага, которую держали над огнём. Под глазами залегли тёмные круги — глубокие, почти чёрные, как следы от ударов. Он знал, что это не только от усталости. Чистильщики стареют быстрее обычных людей — мозг, который обрабатывает чужие воспоминания, изнашивается, как старая голограмма на плёнке, которая проигрывается слишком часто. Он видел это на других — на тех, кто работал дольше него. Сначала бессонница, потом галлюцинации, потом потеря личности. Некоторые

заканчивали в клиниках для «выгоревших» — там они сидели в креслах, улыбались пустоте и не помнили даже своего имени.

Арсений не хотел так закончить. Но он не знал, как остановить это.

Он встал и сделал три шага до стола. Стол был старым, металлическим, с облупившейся зелёной краской, которая отваливалась кусками и оставалась на рукавах его рубашки. На столе стояла кружка — белая, с трещиной на ободке, из которой он пил каждое утро уже четыре года. Кофе, если это можно было назвать кофе, был чёрным, горьким, без сахара, с осадком на дне, который оседал на языке горькой плёнкой. Арсений взял кружку, не чувствуя температуры — его пальцы давно потеряли чувствительность, — и сделал глоток. Жидкость обожгла горло, но он не поморщился. За годы работы он научился не чувствовать боли. Или просто забыл, как это — чувствовать.

Он сделал ещё глоток, и горечь разлилась по языку, пробежала по пищеводу и упала в желудок, который свернулся в тугий узел. Арсений поставил кружку на стол и посмотрел на голограмму, которая висела над столом — отчёт о ночной работе. Цифры и графики плясали в воздухе, переливаясь зеленоватым светом, который резал глаза после темноты капсулы. Он мельком глянул на них: уровень дельта-ритма — 2,4 герца, частота пульса — 68 ударов в минуту, количество обработанных воспоминаний — 317 единиц. Обычная ночь. Ничего выдающегося.

Он отодвинул отчёт, и голограмма погасла, оставляя на сетчатке зелёное пятно, которое медленно таяло, как облако на ветру.

Арсений подошёл к маленькому зеркалу, которое висело на стене, приклеенное на двусторонний скотч, пожелтевший от времени. Зеркало было старым, с потёртой амальгамой, и в нём отражался бледный, измождённый человек с тёмными кругами под глазами. Арсений посмотрел на себя. Глаза — серые, с янтарным ободком — смотрели на него с той же усталостью, с которой он смотрел на них. Он провёл пальцем по скуле, ощущая неровность кожи — след от старого шрама, который шёл от виска к подбородку.

Он не помнил, откуда этот шрам. Техники из «Мнемос-Корп» говорили, что это производственная травма — неудачное извлечение из капсулы, когда человек дёрнулся в последний момент и порвал кожу о край металлического борта. Он им верил. Потому что верить было проще, чем искать правду.

Но сегодня вера давалась труднее.

В глубине затылка теплилась искра — смутное ощущение, которое он не мог объяснить. Она появилась, когда он проснулся, и не гасла, как это было обычно. Она была тёплой, живой, и она пульсировала в такт с его сердцем, как будто пыталась привлечь его внимание. Арсений потёр затылок, и на пальцах осталась влага — пот, который выступил от напряжения. Он почувствовал, как сердце — искусственное, механическое — сбилось с ритма, а потом восстановилось. Это было странно. Это было впервые за долгое время.

Он отошёл от зеркала и посмотрел на капсулу, которая стояла в углу комнаты. Она была старой, с облупившейся краской, с потёртостями на металлических бортах. Он провёл рукой

по её холодной поверхности и почувствовал, как вибрация от насоса проходит сквозь кожу, как электрический разряд.

— Вадим, — сказал он, не повышая голоса. Микрофон, встроенный в стену, уловил его слова, и через секунду динамик ожил с лёгким треском помех.

— Да, я здесь. — Голос Вадима был хриплым, утренним, с ноткой беспокойства, которую техник всегда прятал за деловой интонацией. — Что случилось? Ты выглядишь бледным на камере. У тебя уровень гемоглобина упал на два пункта. Ты ел что-нибудь вчера?

— Я в порядке. Просто... — Арсений запнулся. Он не знал, как объяснить то, что чувствовал. — Что на сегодня?

Вадим помедлил. Арсений знал этот промежуток — техник просматривал список заказов, оценивал их сложность, проверял безопасность. Вадим был осторожным, почти параноидальным, и за десять лет работы он так и не привык к тому, что чужие сны могут убивать.

— У тебя два заказа, — сказал он наконец. — Первый — стандартная чистка для ветерана из третьего сектора. Мужчина, пятьдесят три года, бывший военный. Он видел что-то на фронте — конкретно не говорят, но судя по показателям, это была массовая гибель. Ему снятся кошмары каждую ночь. Пять лет мучается, не спит, начал пить, потерял семью. Заплатил полный тариф — триста пятьдесят тысяч кредитов. Чистка стандартная, уровень сложности — низкий. Ты можешь сделать это за час, если не будешь отвлекаться.

— А второй? — Арсений не спрашивал из любопытства. Он спрашивал потому, что знал: второй заказ всегда был чем-то особенным. Либо опасным, либо дорогим. Иногда — и тем, и другим.

Вадим помолчал дольше обычного. Арсений слышал, как он перебирает бумаги — техник не любил цифровые носители, предпочитал старую бумагу, на которой можно было делать пометки ручкой. Шуршание страниц раздавалось в динамике, как шелест листьев на ветру.

— Второй сложнее, — сказал он наконец, и его голос стал ниже, как будто он боялся, что кто-то подслушивает. — Анонимный заказ. Пришёл с самого верха, от «Мнемос-Корп» напрямую. Объект — старик в хосписе «Тихий берег». Михаил Аркадьевич, семьдесят три года. В прошлом — учёный, но точных данных нет. Корпорация засекретила всё, что о нём известно. Гонорар — два миллиона кредитов. Задание: войти в сон, найти формулу Рейнфельда, скопировать и выйти. Без следов.

Арсений замер. Название «Тихий берег» вызвало в нём странное чувство — что-то среднее между узнаванием и тошнотой. Оно прозвучало в его голове, как эхо далёкого голоса, который он не мог вспомнить, но который заставлял его сердце — искусственное, механическое — сбиваться с ритма. Насос загудел громче, пытаясь восстановить поток крови, и Арсений прижал руку к груди, чувствуя, как вибрация проходит сквозь рёбра.

Он не знал, где это место. Он никогда там не был. Но имя «Тихий берег» отозвалось в нём чем-то глубоким, как камень, брошенный в колодезь.

— Формула Рейнфельда? — переспросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Что это?

— Никто не знает, — ответил Вадим, и в его голосе послышалось напряжение. — Говорят, это что-то про перезапись личности. Или про новое топливо. Или про вечную жизнь. В сети полно слухов, но «Мнемос-Корп» держит всё в секрете. Я пытался найти информацию в базах данных — ничего. Только зашифрованные файлы с грифом «Совершенно секретно». Даже мне, с моим доступом, не удалось прочитать ни строчки.

— И что? — Арсений подошёл к столу и сел на край. Ноги дрожали.

— Я проверил протоколы, — Вадим говорил медленно, взвешивая каждое слово, как будто боялся, что они могут взорваться. — Два чистильщика уже пытались войти в сон этого старика. Первый вышел с повреждённой психикой — он теперь в клинике, не говорит, не ест, просто сидит в углу и смотрит в стену. Второй до сих пор в коме. Врачи говорят, что его мозг расплавился от перегрузки. Прямо в капсуле. Его извлекли, а он уже не мог дышать сам.

Арсений молчал. Он смотрел на свои руки, которые лежали на коленях, и видел, как пальцы дрожат — мелко, почти незаметно, но дрожат. Он сжал их в кулак, и дрожь прошла, но в груди осталось чувство холода.

— Возьми заказ, — сказал он. — Я пойду.

— Арсений...

— Я сказал — возьми.

В голосе не было злости. Только пустота. Но Вадим знал этот тон — он появлялся, когда Арсений чувствовал, что нащупал нить. Нить к чему-то, чего он не понимал, но что тянуло его, как магнит.

Вадим молчал несколько секунд, а потом ответил:

— Хорошо. Я подготовлю капсулу к вечеру. Но, Арсений... будь осторожен. Я не хочу потерять тебя. Ты — единственный, кто остался.

— Я потерял себя уже давно, — тихо сказал Арсений, и в голосе его прозвучала горечь, которую он не мог скрыть. — Я просто ищу, что осталось.

Он отключил динамик и подошёл к окну — единственному в комнате, забранному решёткой. Решётка была старой, ржавой, с перекладинами, которые покрылись коррозией. За окном был серый город. Небо было низким, тяжёлым, как крышка гроба, и давило на дома, которые торчали из земли, как сломанные зубы. Где-то вдалеке горели огни — неоновые вывески корпораций, которые обещали людям счастье за деньги.

«Вечная молодость — всего за 9 999 кредитов», «Стереть плохие воспоминания — первый сеанс бесплатно», «Чистая совесть — гарантия качества». Вывески мигали в такт, как глаза больного зверя, и их свет отражался в лужах на асфальте.

Арсений смотрел на них, но ничего не чувствовал. Он не чувствовал ничего уже десять лет. Десять лет — это срок, за который можно забыть всё, что было до. Или не забыть, а просто похоронить. Арсений выбрал второе. Он работал, стирал чужие воспоминания, дышал чужими страхами и надеялся, что однажды какая-то частица чужой жизни приживётся в нём, как донорский орган. Но ничего не приживалось. Чужие сны проходили через него, как вода через решето, оставляя только пустоту.

Он отошёл от окна и посмотрел на часы. Четыре утра. До вечера у него было четырнадцать часов. Четырнадцать часов, чтобы подготовиться к заказу, который мог убить его. Он должен был подготовиться физически и ментально, но он не знал, как готовиться к тому, чего не понимал.

Он взял кружку и выпил остатки кофе. Горький, холодный, безжизненный. Как и он сам.

Он поставил кружку на стол и пошёл в ванную, чтобы умыться.

Ванная комната была маленькой, с кафелем, который когда-то был белым, но теперь пожелтел от времени и влаги. Плитки были потрескавшимися, с тёмными пятнами плесени в углах. Лампочка над раковиной мигала каждые несколько секунд, создавая пульсирующий свет, который раздражал глаза и заставлял тени плясать по стенам. Арсений включил воду — она шла холодная, с ржавым оттенком, который оставался на руках, — и плеснул себе в лицо. Вода была ледяной, и она обожгла кожу, как электрический разряд. Он почувствовал, как лицо онемело, а потом начало гореть — возвращалась чувствительность, которая была заблокирована ночным сеансом.

Он поднял голову и посмотрел на себя в зеркало — старое, с трещиной, которая пересекала его отражение по диагонали. Из зеркала на него смотрел бледный человек с мокрым лицом и пустыми глазами. Человек, который не знал, кто он есть на самом деле. Который не помнил, что было до того, как он стал номером 734-Ч.

— Кто ты? — прошептал Арсений, обращаясь к отражению.

Отражение не ответило. Но Арсению показалось, что оно смотрит на него не так, как обычно — с любопытством, или с сожалением, или с чем-то, что он не мог назвать. В глубине зеркала, за его собственным лицом, мелькнула тень — женский силуэт, светлые волосы, улыбка.

Арсений вздрогнул и отшатнулся. Сердце — искусственное, механическое — забилося быстрее, и он почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Лида, — прошептал он, и сам удивился этому имени.

Он не знал, откуда оно взялось. Он никогда не слышал его раньше. Но оно звучало правильно. Оно звучало как дом, которого у него никогда не было.

Арсений замер, вглядываясь в зеркало. Но женское лицо исчезло, оставляя только его собственное — бледное, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу.

— Что со мной происходит? — спросил он у тишины.

Тишина не ответила. Только вода капала из крана, и этот звук был единственным живым звуком в комнате.

Он выключил воду, вытер лицо старым полотенцем, которое висело на крючке, и вышел из ванной. В комнате его ждала тишина — не та, что бывает в пустом помещении, а та, которая заполняет собой всё пространство, как вода заполняет сосуд. Она была плотной, осязаемой, и Арсений чувствовал, как она давит на плечи, как тяжёлый груз.

Он подошёл к капсуле и положил руку на её холодный корпус. Металл был ледяным, и он чувствовал, как вибрация от насоса проходит сквозь ладонь, как электрический ток.

Он знал, что сегодняшняя вечер изменит всё. Он не знал, как именно, но чувствовал это каждой клеткой своего тела — той части тела, которая ещё оставалась живой.

Он должен был подготовиться. Он должен был найти ответы. И он знал, с чего начать.

— Вадим, — сказал он в динамик, и его голос был твёрже, чем он ожидал. — Мне нужны все файлы по хоспису «Тихий берег». И по старику. Всё, что ты сможешь найти. Даже если это просто обрывки. Даже если это просто слухи.

— Я уже ищу, — ответил Вадим. — Но, Арсений, там почти ничего нет. Только пустые страницы и грифы секретности. Похоже, кто-то очень старался, чтобы этот человек исчез из истории.

— Значит, мы будем искать между строк, — сказал Арсений и сел за компьютер, который стоял в углу комнаты. — Там всегда есть что-то. Даже если это не видно на первый взгляд.

Он начал работу.

Вечер наступил быстрее, чем он ожидал. Солнце за окном — если это можно было назвать солнцем — медленно опустилось за серые дома, оставляя после себя тусклый оранжевый свет, который быстро сменился тьмой. Город зажёл свои неоновые огни, и они замигали, как глаза больного зверя, который просыпается только ночью.

Арсений сидел за компьютером, изучая найденные данные. Их было немного — несколько старых фотографий, страница из журнала, где упоминалось имя Михаила Аркадьевича, и одна запись в архиве хосписа, которая подтверждала, что он действительно находится там. Но этого было достаточно.

Он посмотрел на старую фотографию — Михаил Аркадьевич, сделанная лет двадцать назад, где он стоял в лаборатории, окружённый колбами и приборами. Его лицо было серьёзным, но в глазах горел огонь, который Арсений узнал. Это был огонь одержимости — тот самый, который он видел у себя в зеркале, когда думал о формуле. Огонь человека, который искал ответы, которые могли изменить мир.

На обороте фотографии было написано: «Заседание комиссии. 2042 год. Присутствовали: профессор Рейнфельд, доктор Аркадьев, доктор Коваль».

Арсений замер. Доктор Коваль. Это была фамилия Лиды — той женщины, чьё лицо он видел в зеркале. Совпадение? Или нет?

Он посмотрел на фотографию дольше, вглядываясь в лица. Профессор Рейнфельд — пожилой мужчина с седой бородой, с пронизательными глазами, которые смотрели сквозь объектив. Доктор Аркадьев — старик, который сейчас лежал в хосписе, но тогда он был полон сил и уверенности. И доктор Коваль — женщина, которая стояла чуть позади, скромно улыбаясь. Её лицо было размытым, но Арсений чувствовал, что это была она. Это была та самая Лида, которую он не помнил, но которая жила где-то в глубине его сознания.

Он прижал фотографию к груди, и кристалл в затылке — та самая искра — вспыхнул ярко, почти болезненно. Он почувствовал, как тепло разливается по телу, как кровь приливает к лицу, и на мгновение ему показалось, что он слышит её голос:

— Я жду тебя. Я всегда ждала тебя.

Арсений вздрогнул и открыл глаза. Комната была пуста. Только фотография в его руках была тёплой, как живая.

— Я найду тебя, — прошептал он. — Я найду всех вас.

Вадим вошёл в комнату, держа в руках старый нейроинтерфейс — портативную капсулу, которую они подготовили для выезда. Она была меньше обычной, с переносным генератором и комплектом геля.

— Машина ждёт, — сказал он. — Хоспис в часе езды. Я поеду с тобой.

— Нет, — ответил Арсений, вставая из-за стола и забирая капсулу. — Ты нужен здесь. Если я не вернусь через три часа — ты должен опубликовать всё, что мы нашли. Все файлы. В открытый доступ. Пусть мир знает правду.

— Арсений...

— Обещай мне.

Вадим сглотнул. Его лицо было бледным, и руки дрожали, когда он сжал коммуникатор.

— Обещаю, — сказал он.

Арсений взял капсулу и направился к выходу.

Дорога до хосписа заняла час, но Арсению показалось, что прошла вечность. Он сидел на заднем сиденье старой машины, которая скрипела на каждом повороте, и смотрел на серые дома, которые проплывали за окном. Город был безжизненным — редкие прохожие с опущенными головами, пустые остановки, тусклые огни витрин.

Он думал о Лиде, о формуле, о том, что ждёт его впереди. Он не знал, что найдёт, но знал, что идёт к чему-то важному. К чему-то, что изменит его жизнь навсегда.

Хоспис «Тихий берег» оказался старым зданием, которое стояло на окраине города, в стороне от оживлённых магистралей. Оно было трёхэтажным, с облупившейся штукатуркой, которая местами отваливалась, обнажая красный кирпич. Вывеска над входом мигала словом «Покой», и это слово казалось ироничным в этом сером, безжизненном месте. За забором был ухоженный сад, но Арсений заметил, что цветы в нём были искусственными — пластиковыми, с яркими красками, которые не выцветали под дождём и не увядали от времени. Они стояли в клумбах ровными рядами, как солдаты на параде.

Внутри хосписа пахло дезинфекцией и старостью — тяжёлым, сладковатым запахом, который пропитывал одежду, волосы, кожу. Коридоры были длинными, с тусклым светом, и на стенах висели картины с пейзажами — леса, горы, реки, которые никто никогда не видел.

Его встретила медсестра — женщина лет пятидесяти, с уставшим лицом и натруженными руками, которые дрожали, когда она передавала ему бланк. Она провела его по коридору, и её шаги гулко разносились по пустому зданию, как шаги в подземелье.

— Он здесь, — сказала она, остановившись у двери палаты. — Но предупреждаю: он не отвечает на вопросы. Спит уже три года. Врачи сказали, что он в вегетативном состоянии, но я не верю.

— Почему? — спросил Арсений, чувствуя, как сердце сбивается с ритма.

— Потому что иногда он улыбается, — ответила медсестра, и в её голосе послышалась странная нотка — смесь страха и уважения. — И пальцы его шевелятся, будто он что-то пишет в воздухе. Я видела это сотни раз. Он не спит. Он ждёт.

Арсений открыл дверь.

В палате было полутемно. Шторы были задёрнуты, и только тусклый свет ночника освещал кровать, на которой лежал старик. Михаил Аркадьевич был худым, почти прозрачным — кожа на его лице собралась в мелкие морщины, которые напоминали трещины на старой картине. Веки были прикрыты, но под ними двигались глаза — быстро, беспокойно, словно он смотрел сон, который никак не мог закончить. Руки лежали поверх одеяла, скрещённые на груди, как у покойника. Но пальцы иногда подёргивались — словно он считал что-то в уме, перебирал цифры или буквы, которые никто не мог видеть.

Арсений сел на стул рядом с кроватью и посмотрел на старика.

— Здравствуйте, — сказал он тихо. — Меня зовут Арсений. Я пришёл поговорить с вами. Во сне.

Старик не ответил. Но его веки дрогнули — едва заметно, но Арсений это увидел. Дрожь пробежала по его лицу, как рябь по воде, и на мгновение ему показалось, что старик улыбнулся.

Он достал из кармана передатчик и подключил его к портативной капсуле, которую установил в углу. Капсула была новой — заказ от «Мнемос-Корп» стоил дорого, и у них были лучшие технологии. Гель был чистым, без примесей, и пах лекарствами — ментолом и хлоргексидином.

Он лёг внутрь. Гель заполнил уши, поглощая все звуки, и мир вокруг него начал исчезать. Он чувствовал, как капсула сканирует его мозг, подготавливая к погружению. Искра в затылке пульсировала ярче, как будто приветствовала его возвращение.

Последнее, что он услышал перед тем, как провалиться в сон, был голос Вадима в наушнике:

— Удачи, друг.

Арсений закрыл глаза и дал команду на погружение.

Время замерло.

Он провалился в темноту, которая была мягкой, как бархат, и тёплой, как дыхание. Он падал в неё, не зная, что ждёт его на дне, но чувствуя, как каждое падение приближает его к чему-то важному. К чему-то, что он потерял.

К Лиде.

К себе.

К правде.

Глава 2. Первый слой — Вокзал

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось — не рывком, не ударом, а мягким, почти невесомым касанием, как будто он опустился на облако, которое неожиданно обрело твёрдость. Арсений открыл глаза и понял, что стоит на перроне.

Но это был не обычный перрон — он был сделан из старого, выщербленного камня, который помнил тысячи ног, сотни поездов и десятки лет ожидания. Каждая плитка была уникальной — с трещинами, выбоинами, следами от тяжёлых чемоданов и каблуков. На некоторых плитках виднелись надписи, выцарапанные кем-то давно ушедшим: имена, даты, слова любви и прощания, которые время почти стёрло, но не до конца. Арсений наклонился и провёл пальцем по одной из надписей: «Анна, я вернусь». Буквы были неровными, глубокими, как будто их вырезали ножом, и под ними виднелась дата — 15.08.2041. Четырнадцать лет назад. Вернулась ли Анна? Или она всё ещё ждала?

Камень под ногами был тёплым, несмотря на то, что вокруг шёл дождь. Дождь был странным — мелким, холодным, он не мочил, но создавал ощущение сырости, проникающей под кожу, в самые кости. Арсений поднял руку и посмотрел на ладонь: капли дождя падали на неё, но не оставляли следов — они просто исчезали, как будто касались не кожи, а голограммы. Он сжал ладонь в кулак, и капли, которые должны были остаться на коже, просто испарились, оставляя лёгкое ощущение прохлады.

Он провёл рукой по лицу. Кожа была сухой, хотя дождь шёл уже несколько минут — или несколько часов, время здесь текло иначе. Арсений огляделся. Перрон был пустым. Ни души. Только старые скамейки с облупившейся краской, которая отслаивалась и падала на камень, как чешуя. Краска была красной, но местами выцвела до розового, и на ней виднелись надписи — такие же, как на плитках. Кто-то написал: «Я жду тебя здесь». Кто-то ответил: «Не жди, я не вернусь». Арсений провёл пальцем по буквам, и они стёрлись, как будто их никогда не было.

Рельсы уходили в туман — густой, молочный, который клубился, как дым над костром. Он был живым, он двигался, менял форму, и в нём угадывались фигуры — смутные тени, которые двигались слишком плавно, чтобы быть живыми. Они были похожи на марионеток, которых дёргали за нитки, но ниток не было. Арсений всмотрелся внимательнее, и одна из теней приблизилась, обретая очертания. Она была высокой, худой, с длинными руками, которые свисали почти до земли. Но когда она подошла ближе, Арсений увидел, что это просто столб с ржавой вывеской, на которой было написано: «Осторожно, поезда».

Арсений перевёл дыхание. Сон играл с ним, как кошка с мышкой. Он знал это чувство — когда реальность начинала трескаться, и за ней открывалось что-то ещё. Он должен был сосредоточиться. Не поддаваться иллюзиям.

Он повернулся и осмотрел перрон. В конце, у входа в здание вокзала, стояла старая дверь — деревянная, с железными петлями, которые давно покрылись ржавчиной. Дверь была массивной, с резными панелями, на которых были изображены сцены из жизни: люди, которые прощаются, люди, которые встречаются, люди, которые ждут. Над дверью висела табличка с выцветшими буквами: «Кассы» — но от названия осталось только «К...сы», и Арсений не мог

понять, что там было написано изначально. Может быть, «Классы», может быть, «Комнаты», может быть, «Крысы».

Арсений направился к двери, но на полпути остановился. Он услышал звук — тихий, едва слышный, как шёпот. Он обернулся, но никого не было. Только скамейки, рельсы и туман. Звук повторился — это был смех. Детский, но с хрипотцой, которая не вязалась с возрастом.

— Ты не из поезда, — раздался голос сзади.

Арсений медленно повернулся. На скамейке сидел мальчик. Он появился из ниоткуда — секунду назад его там не было, а теперь он сидел, скрестив ноги, и смотрел на Арсения серьёзными глазами.

Мальчику было лет десять, но он был одет в слишком большой для него пиджак, который болтался на плечах, как на вешалке. Пиджак был старым, потёртым, с выцветшими пуговицами, на одной из которых не хватало нитки, и она висела на тонкой шёлковой нити, готовясь оторваться. Пиджак пах нафталином и временем — запахом, который Арсений узнал, хотя не мог сказать, откуда. Под пиджаком была белая рубашка с высоким воротником, но она была мятой, как будто в ней спали, и на воротнике виднелось пятно от кофе.

Мальчик держал в руках книгу — кожаную, с золотым тиснением, которое уже почти стёрлось. Тиснение было старым, и буквы можно было прочитать только под определённым углом: «Одиссея». Это была «Одиссея» — древняя поэма о путешествии, о возвращении домой, о поисках себя.

— Ты — Михаил Аркадьевич? — спросил Арсений, хотя знал, что это не так. Мальчик был слишком молод, чтобы быть семидесятирёхлетним стариком. Но во сне возраст не имел значения.

— Я — то, что от него осталось, — ответил мальчик, и его голос стал старческим — хриплым, с одышкой, как у человека, который давно потерял голос и говорит с трудом. — Он спрятал меня здесь, чтобы я охранял вход. Я — его совесть, его страхи, его надежды. Всё, что он хотел забыть, но не мог. Ты второй, кто прошёл через эту дверь. Первый не вернулся.

— Что случилось с первым? — спросил Арсений, подходя ближе. Его сердце — искусственное, механическое — сбилось с ритма, и он почувствовал, как насос загудел громче, пытаясь компенсировать напряжение.

— Он упал в рельсы, — ответил мальчик равнодушно, словно говорил о погоде. — Красный шум. Ты знаешь, что это такое?

Арсений кивнул, хотя внутри всё сжалось. Красный шум — это когда сознание спящего превращается в стену крика, которая сжимает сознание чистильщика и расплавляет его, как металл в печи. За доли секунды человек теряет себя, превращаясь в пустую оболочку. Арсений видел таких — они сидели в специальных клиниках, их глаза были открыты, но в них не было жизни. Они улыбались пустоте, не помня даже своего имени. Их мозг был чист, как новый лист бумаги, но на этом листе не осталось ничего — ни мыслей, ни эмоций, ни даже базовых инстинктов.

— Я не боюсь, — сказал Арсений, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри дрожал. Он сжал кулаки, и ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы на коже.

— Ты врёшь, — улыбнулся мальчик, и улыбка была старческой, с морщинами в уголках губ. — Ты всегда врал себе. Даже когда не помнил, что врёшь. Ты боишься не красного шума. Ты боишься того, что найдёшь здесь. Правды.

Арсений замер. Слова мальчика отозвались в нём странным холодом, который пробежал по позвоночнику, как змея. Он почувствовал, как кристалл в затылке — та самая искра — пульсирует в такт с его сердцем, словно предупреждая об опасности.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он, стараясь сохранить спокойствие, хотя голос его дрогнул.

Мальчик вздохнул, как старик, который устал повторять одно и то же. Он закрыл книгу и положил её на колени. На обложке золотым тиснением было выгравировано одно слово — не «Одиссея», как подумал Арсений сначала, а «Возвращение». Мальчик погладил обложку рукой, и его пальцы были тонкими, с длинными ногтями, как у пианиста.

— Я хочу сказать, что ты искал себя в чужих снах десять лет, — сказал он, и его голос стал тише, почти шёпотом. — Ты стирал чужие воспоминания, чтобы заглушить пустоту в своей голове. Но пустоту нельзя заглушить — её можно только заполнить. Ты пришёл сюда не за формулой. Ты пришёл за своей памятью. За своей жизнью. За Лидой.

Имя упало в тишину, как камень в воду. Арсений почувствовал, как в груди — там, где билось механическое сердце — что-то дрогнуло. Оно дрожало, как струна, которую задела пальцы, и эхо этого дрожания разнеслось по всему его телу.

— Откуда ты знаешь про Лиду? — спросил он, и голос его сорвался. — Я никогда не говорил о ней. Я даже не помню её.

— Ты помнишь, — сказал мальчик, и его глаза стали серьёзными, почти грустными. — Ты просто спрятал это воспоминание так глубоко, что сам боишься его достать. Потому что если ты вспомнишь её — ты вспомнишь всё. И тогда тебе придётся выбирать: остаться инструментом или стать человеком.

Арсений молчал. Он смотрел на мальчика, на его старое детское лицо, на янтарные глаза, которые смотрели на него с бесконечной усталостью. Он чувствовал, как кристалл в его затылке пульсирует, и каждый удар отдаётся в висках, как барабанная дробь.

— Кто ты на самом деле? — спросил он, и его голос был тихим, почти умоляющим.

— Я — тот, кто знает, что ты ищешь, — ответил мальчик, и его голос стал мягче, почти нежным. — Я — ключ к первому слою. Я здесь, чтобы направить тебя. Но если ты захочешь пройти дальше — ты должен будешь оставить меня позади. Там, на втором слое, ты встретишь себя. Настоящего себя. Того, которого ты убил, когда подписал контракт с «Мнемос-Корп». Если ты выдержишь это — ты попадёшь на третий слой. Там — правда. И она либо спасёт тебя, либо уничтожит.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил Арсений, чувствуя, как внутри нарастает странное волнение — смесь страха и надежды. Он не знал, чему верить. Но он знал, что идти дальше — это единственный путь.

— Потому что я — не твой враг, — улыбнулся мальчик, и его лицо на миг стало старческим, с морщинами и сединой, с глазами, которые видели слишком много. — Я — твой последний шанс. Твой якорь в этом слое. Твоя память, которую ты спрятал от себя.

Он протянул Арсению книгу — ту самую, которую держал в руках. Кожаный переплёт был тёплым, как будто книгу только что сняли с солнца, и на коже чувствовались неровности тиснения. Арсений взял её, и пальцы его дрогнули. Он открыл книгу — страницы были пустыми. Только на первой странице было написано одно слово, выведенное каллиграфическим почерком: «Помни».

— Открой её, когда окажешься на втором слое, — сказал мальчик. — И не закрывай, что бы ни увидел. Она покажет тебе то, что ты потерял. То, что ты забыл. То, что ты должен вспомнить.

— Что там? — спросил Арсений, перелистывая страницы. Они были чистыми, но на ощупь — шершавыми, как будто на них были буквы, которые не мог видеть глаз. Буквы, которые ждали, чтобы их прочитали.

— Там всё, что ты потерял, — сказал мальчик и встал со скамейки. Его пиджак колыхнулся, и пуговица, которая висела на нитке, оторвалась и упала на камень, зазвенев, как маленький колокольчик. — Там твоя жизнь. Твоя любовь. Твоя боль. И твой выбор.

Он начал исчезать — медленно, как туман, который тает под утренним солнцем. Сначала исчезли его ноги, потом тело, потом лицо. Только глаза остались — два янтарных огонька, которые смотрели на Арсения с последней улыбкой.

— Иди, — прошептал голос из ниоткуда. — И помни: ты не один. Никогда не был один. Она ждёт тебя. Она всегда ждала.

Он исчез, оставляя после себя пустую скамейку и шуршание страниц.

Арсений сжал книгу в руках и почувствовал, как она пульсирует — тепло разливалось по пальцам, поднималось к запястьям, к плечам, к груди. Книга была живой. Она была частью старика — и частью его самого. Она была ключом к тому, что он потерял.

В этот момент перрон начал меняться. Туман сгущался, превращаясь в стены, которые сжимались вокруг него, как объятия, которые не отпускают. Рельсы вздымались вверх, изгибаясь, как стальные деревья, и уходили в чёрное небо. Скамейки исчезали одна за другой, словно их поглощала тьма. Где-то вдалеке раздался свист — протяжный, как вой паровоза, который никто никогда не увидит. Он становился громче, ближе, и Арсений чувствовал, как воздух вокруг него вибрирует от этого звука.

— Второй слой, — прошептал он. — Он открывается.

Он посмотрел на книгу в своих руках. Она всё ещё пульсировала, и на её обложке, под «Возвращением», появилась новая надпись: «Ты готов?»

Арсений провёл пальцем по буквам, и они засветились золотым светом.

— Я готов, — сказал он и шагнул вперёд.

Мир вокруг него взорвался светом — ослепительным, белым, который ослепил его на мгновение. Он закрыл глаза, но свет проникал сквозь веки, и Арсений чувствовал, как его тело растворяется в нём, как сахар в воде. Он падал в этот свет, но не боялся — он знал, что это путь к правде. К той правде, от которой он бежал десять лет.

Когда он открыл глаза, он стоял в зеркальном коридоре. И он знал: здесь, на втором слое, его ждала правда, от которой он бежал десять лет.

Он сжал книгу в руках и шагнул вперёд, навстречу своему отражению. Навстречу себе.

Глава 3. Второй слой — Зеркальный коридор

Арсений стоял в коридоре, который казался бесконечным. Стены его были выложены зеркалами — от пола до потолка, без единого стыка, как будто он был внутри огромного стеклянного куба, который отражал его бесконечное количество раз. Зеркала были идеально гладкими, без пыли и царапин, и в каждом из них отражалась его фигура — но каждый раз разная. Свет был странным — он шёл из самих зеркал, мягкий, голубоватый, как лунный свет, который проникает в комнату через закрытые шторы.

Арсений сделал шаг вперёд, и эхо его шагов разнеслось по коридору, как звук капли, упавшей в тихую воду. Он посмотрел в одно из зеркал — и увидел себя. Но не таким, каким был сейчас.

В зеркале отражался мальчик лет десяти, с теми же серыми глазами, с янтарным ободком, который был у него самого. Мальчик был испуганным — его лицо было мокрым от слёз, которые текли по щекам, оставляя влажные дорожки. В руках он сжимал старую фотографию, на которой были двое взрослых — мужчина и женщина. Они улыбались, стоя на набережной, за их спиной плескалось море. Мальчик смотрел на них с тоской, и Арсений почувствовал, как его сердце сжимается от боли, которую он не мог объяснить.

— Ты плакал, — сказал он себе, но мальчик не ответил. Он просто продолжал смотреть на фотографию, как будто ждал, что она оживёт.

Арсений шагнул к другому зеркалу. Там он был молодым человеком — лет двадцати, с горящими глазами и дикими, непослушными волосами, которые падали на лоб и закрывали глаза. Он сидел в лаборатории, окружённой колбами, проводами и мониторами, которые светились зелёным светом. На его лице была улыбка — не та, которую он носил сейчас, а настоящая, искренняя, которая появлялась, когда он делал то, что любил. Он улыбался чему-то, что Арсений не мог разглядеть — может быть, чертежу, а может быть, человеку, который стоял за кадром. На его столе лежала книга — та самая, которую он держал в руках. Только она была раскрыта, и на её страницах были формулы, которые он не мог прочитать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.